

НЕЛЮБЫЙ

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

ПРОЛОГ

*Ты, родимый батюшка,
Не ходи к дубову столу,
Не прймай золотой чары,
Ты не пей зелена вина,
Не пропей меня, молоду,
Мою русую косоньку,
Мою девью-то красоту
На чужу дальню сторону
Ко чужому чуженину!**

* В тексте использованы русские народные обрядовые песни и колыбельные, а также их авторские вариации. *Прим. ред.*

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Песня была медленной и тихой. Тягучий мрак напелз со всех сторон, поглощая и сгорбленную тень клюющей носом няньки, и саму Мстишу, и стены горницы, ставшие враз незнакомыми и чужими, и только зыбкий огонек лучины упрямо горел, словно путеводная звезда в черноте степной ночи. Упавший нагар рассерженно зашипел в ушах под светцом, и девушка вздрогнула и принялась яростно потирать глаза. Еще немного, и она, чего доброго, и вправду провалится в сон.

*Не скребутся паучки —
Все по норкам спать легли.
Не летают гули —
Все давно уснули.
Только серенький волчок
Ходит ночью у ворот,
Хочет Мстишеньку забрать,
Мы не будем отдавать.*

Стояна замолчала и рассеянно поправила сбившийся платок. Пошамкав губами и привычным движением огладив плечи княжны, она, подперев костлявой рукой дряблую щеку, подобрала нить колыбельной:

*Под горой под седой
Волк ночует молодой.
А мы волка-то убьем,
Мстише шубоньку сошьем.
Из остаточков
Сошьем шапочку.
Из обрезочков —
Да нарукавнички.
Будет Мстиша ходить,
Будет шубку носить,
Головою качать,
Жениха привечать.*

Девушка замерла под теплым одеялом. Если бы ей нынче кровь из носу не нужно было поскорее усыпить няньку, она бы ей закатали! И поет-то словно маленькой, и будто нарочно заладила, старая, про волков да женихов!

Мстиша сжала зубы, с трудом подавляя приступ гнева. Обычно она не заботилась о том, чтобы обуздывать свои чувства, поэтому молча сдерживать негодование стоило ей усилий. От нетерпения у Мстиславы чесались руки. Сновид уже наверняка ждал, а нянька все никак не желала угомониться. Мстиша могла приказать ей замолчать, но тогда старуха обидится и полночи будет ворочаться, поэтому она сомкнула губы под натянутым до самого носа мехом и усердно притворялась спящей.

— Мстишенька? — шепотом позвала Стояна, чуть наклоняясь к притихшей воспитаннице. — Почиваешь, дитячко? — проворковала она и осторожно провела рукой по русым волосам княжны.

От теплой заскорузлой ладони пахло уютом и детством, и Мстиша ощутила укол непрошеного, неудобного чувства.

— Охохонюшки, — еле слышно прокряхтела старуха и тяжело вздохнула.

Кажется, прошла целая вечность, пока няня, шаркая и потирая поясницу, добралась до постели и улеглась, не переставая горестно бормотать что-то себе под нос. И лишь когда вздохи окончательно стихли, сменившись размеренным присвистом, Мстислава облегченно скинула начавшее душить одеяло и бесшумно соскользнула на пол. Лучина к этому времени уже перегорела, но глаза девушки привыкли к темноте. Она шикнула, и из черноты к ней метнулась Векша, давно державшая наготове одежду. Проворно облачив хозяйку в мрачные, неприглядные верхнюю и убрус, в которых та побрезговала бы показаться при свете дня, чернавка проводила ее до двери.

Отослав служанку сторожить в ложнице, Мстислава пошла дальше одна. Ей было не впервой пробираться к заднему выходу через людскую половину, но нынче она не могла унять тревоги. В каждом углу ей мерещились желтые злые огоньки хищных глаз, в тоскливом гудении ветра, гуляющего по печной трубе, — волчий вой. Должно быть, нянька нагнала на нее страху своими глупыми песнями. Княжна поежилась и заставила себя подумать о Сновиде. Сердце тут же застучало сильнее, и уже не от испуга. Она принялась безжалостно щипать себя за щеки, не подозревая, что от переживаний и скорого шага и без того разбурячилась.

Благополучно миновав все закоулки, Мстиша вышла в ночной двор, прокралась через конюшню, юркнула в узкий лаз между амбаром и скотником и выпорхнула в старый яблоневый сад. Легкие кожаные черевички отсырели от росы и предательски поскрипывали в мокрой траве. Юноша, беспокойно ходивший взад-вперед под сенью скрюченных черных ветвей, резко остановился и напряженно вгляделся в ночь.

— Ладушка мой, — не сдержала Мстислава одновременно радостного и жалобного стоны, бросаясь в распахнутые объятия.

Молодой боярин был с головы до пят укутан в длинный серый плащ, и слабый свет ветхого месяца выхватывал из мрака лишь его бледное лицо. Сновид облегченно выдохнул и крепко прижал девушку к себе. Некоторое время они стояли молча, словно подпитываясь друг от друга теплом и надеждой. Наконец Сновид осторожно отодвинул от себя Мстиславу и вопрошающе заглянул ей в глаза.

Она ждала и страшилась этого мига.

Светлые, цвета небеленого льна пряди кое-где выбивались из-под глубокого куколя. Широкие и вразлад с волосами темные брови тревожно изогнулись. Мстиша невольно залюбовалась.

— Ну? — не выдержал Сновид. — Поговорила?

Она опустила очи и с досадой закусил губу. Ей не хотелось даже вспоминать беседу с отцом, не то что пересказывать ее.

— Поговорила, — понуро ответила она, понимая, что не отвертеться.

— Что ж батюшка? — теряя терпение, спросил юноша.

Мстислава чуть отступила, выскальзывая из рук Сновиды, и ответила, не поднимая взора:

— Сказал, что не о том радею. Что не помню своего долга ни перед родом, ни перед княжеством, раз о таком смею просить.

Сновид стиснул зубы.

— Значит, Предславе позволил по сердцу замуж идти, а тебя долгом корит, — рассерженной скороговоркой выплюнул он.

— Так то когда было, — резко возразила княжна и тут же потупила глаза.

— А что ж он про меня молвил? — горько усмехнулся Сновид.

Мстислава бросила на него быстрый взгляд и вспыхнула.

— Молвил, что нечего было на просватанных невест заглядываться, — зло проговорила она, и было непонятно, сердилась ли она на отца или на своего возлюбленного.

— Просватанных? — вскипел Сновид, раздраженно сжимая руку в кулак и, забыв об осторожности, повышая голос. — Только суженый твой то встать не в силах от немочи, то совсем помирать собирается, а то снова промеж живых оказывается! Чего ради блюсти старые клятвы?

Мстислава поджала губы и сложила руки крест-накрест. Не такой она представляла себе долгожданную встречу с милым. И без него знала, что в угоду отцовской воле как бесправная рабыня отдается нежеланному чужаку. Но Сновид заметил и поспешил обнять ее.

— Ничего. Ничего. — Он погладил ее по голове. — Мы и не надеялись на княжескую милость, так ведь?

Мстислава лишь судорожно вздохнула вместо ответа.

— Значит, будем держаться своего пути, — твердо проговорила Сновид, крепче сжимая девушку и бездумно пробегая длинными пальцами по ее волосам. — Не хотят по-хорошему, зная, будет по-нашему. Все ли помнишь, как условились?

Он чуть отстранил Мстишу, вытянув руки, и серьезно посмотрел ей в глаза.

Она лишь испуганно хлопнула длинными ресницами и кивнула. Теперь их замысел казался безумием.

— Вот и добро. Как обоз поедет, мне пошлют знак. — Голос юноши был полон угрозы и решимости. — Я тебя ему не отдам.

Сновид сунул руку за пазуху и вытащил тускло поблескивающую в лунном свете нитку бус. Он раскрыл замочек, нагнулся к Мстише и, едва задевая тонкий пушок на ее шее, застегнул ожерелье. Холодная пронизь с приятной тяжестью опустилась на ключицы.

— Хотя эти камешки и в подметки не годятся бирюзе твоих очей, радость моя, носи и меня вспоминай, — мягко улыбнулся боярин.

Они вновь обнялись и стояли так некоторое время. Мстислава с упоением вдыхала родной запах, но вскоре почувствовала, как тяжелеют веки. С трудом подавив подступивший зевот, она подумала о мягкой перине, ждавшей в ложнице. Где-то в глубине двора раздался хриплый крик кочета, и княжна будто очнулась.

— Пора мне, Сновидушка, — извиняясь, проговорила она и высвободилась из объятий.

Юноша резко нагнулся к ней, вырывая последний, прощальный поцелуй, но Мстиша отстранила его.

— Иди, — велела она, сбрасывая руки боярина со своих запястий.

Приближался рассвет. Не хватало еще Сновиду разглядеть на ней Векшины одежды.

— погоди. — Он резко взял ее за плечи. — Обещалась ты мне зарок дать, или позабыла?

Мстиша свела вместе пушистые брови, еле перебарывая затеплившийся в сердце гнев. Выполнять данное когда-то по глупости обещание совсем не хотелось, но Сновид пристально смотрел, и Мстислава чувствовала, что он проверяет ее. Как она сдержит слово нынче, так поведется и впредь.

Княжна сдула со лба выбившуюся прядь и решительно выпростала из разукрашенного чехольчика, привешенного к поясу, маленький нож. Глядя в возбужденные ее смелостью глаза боярина, Мстислава перекинула волосы на грудь и, не отрывая взора от Сновиды, полоснула. Точное лезвие, по которому извивались причудливые булатные змейки, — подарок отца, купленный на восточном торгу, — глядело хищно и остро, но даже ему не под силу было так просто справиться с толстенной косой. Мстише

пришлось потрудиться, прежде чем в руке остался пучок волос, увитый зеленой шелковой лентой.

Она без слов протянула Сновиду его добычу.

Ничем не гордилась Мстислава так, как долгой косой — пышной, густой, меняющей свой цвет, словно поле спелой пшеницы, волнующееся на ветру. Ни одна из ее сестер не могла похвалиться подобным богатством, даже красавица Предслава. Ни разу в жизни дотоле княжне не приходилось подстригать свои волосы. Она скорее бы пролила собственную кровь, нежели рассталась хотя бы с одной золотой прядью, и Сновид знал, сколь велика была эта жертва, и оценил ее по достоинству. Он с благоговением принял подношение, прикоснувшись к нему губами, прежде чем спрятать за пазуху в заготовленном платке.

— Запомни: коли что стряется, ленту эту повяжу на вереву в воротах — будет тебе знамением. — Боярин вздохнул. — Прощай, душа моя, — прошептал он, сжимая ее маленькую ладошку в горячих тисках. — Близится день, когда я назову тебя своей.

Долго еще Мстислава, вернувшись в горницу и позволив сонной Векше освободить себя от неподобающего княжне наряда, ворочалась на чересчур мягкой и теплой постели. Встреча со Сновидом вместо умиротворения принесла лишь тревогу и гнетущее ощущение: они задумали неправильное. Но Мстислава всегда получала то, что хотела.

На самой границе сна и яви до слуха донесся протяжный, заунывный вой. «Откуда здесь взятись волку?» — испуганно подумала Мстиша, прежде чем провалиться в беспокойный и мутный, как болотная вода, сон.

ГОСТИ

Посольство зазимского княжича прибыло через три седмицы. Узнав, что самого Ратмира в нем не было, Мстислава почувствовала облегчение, но одновременно и обиду. Княжнесто казалось, что к такой невесте, как она, жених должен лететь быстрее ветра, а не присылать вместо себя какого-то там воеводу. Поэтому она только неприязненно фыркнула, когда утром к ней поднялась Гостемила.

Княгиня с упреком взирала на падчерицу, которая, поджав пухлые губы, с безучастным видом глядела в выложенное разноцветной слюдой окошко, пока Векша, вытирая испарину со лба, заканчивала убор своей госпожи. Мстислава, особенно раздраженная появлением окаянных гостей, уже успела несколько раз выбрать несчастную девушку, заставить ее дважды переплести косу и кинуться в Векшу бусами, цвет которых пришелся княжне не по душе.

— И не совестно тебе, — покачивая головой, прервала молчание мачеха. — Уж тени исчезли, а ты только проснуться соизволила. Хорт еще вчера ждал, что ты спустишься, с дороги его добрым словом приветишь. Будущего мужа ближник, как же не уважить.

Мстислава, не отрывая взгляда от окна, недобро прищурилась, но тут с другого конца покоев вынырнула старая Стояна.

— Полно тебе, княгинюшка, будет. Не кори ты дитя малое, сама не своя она, сердечная. — Нянька с удивительным для своего возраста проворством подхватила со стола расписную миску с пряниками и поставила перед Гостемиллой. — Отведай, матушка, не побрезгуй.

Добившись, чтобы княгиня, только дабы угодить старухе, которую она уважала за мудрость и умение сладить со строптивой княжной, взяла угощение, Стояна заискивающе улыбнулась.

— Как себя-то вспомнишь в ее годы, аж слезы наворачиваются. Увозят в чужедальнюю сторонку кровинушку нашу, охохонюшки мои...

— Это тебе, Стояна, полно ее выгораживать. Небось, князь-батюшка не за первого встречного выдает. Разве зазимский княжич не завидный жених? Срам-то какой! Хорт с утра уже два раза приходил. Ратмир-де с ним подарки невесте передал, наказал тотчас вручить, а она — вон, нос воротит.

Княгиня с досадой крутила пальцами начавший таять пряник.

— Ах ты, безрукая! — неожиданно зашипела Мстислава, и Гостемила со Стояной чуть не подпрыгнули на месте. Княжна пихнула раскрасневшуюся, едва не плачущую чернавку так, что та почти упала. — Косу дернула! Да я тебя...

Княжна вскочила с лавки и со злостью топнула ногой, разворачиваясь наконец к мачехе. Красивое лицо исказила злоба, а серо-голубые глаза метали искры.

— Что ж ты Ярославу-то не отдашь в Зазимье, раз там и берега кисельные, и реки молочные?

— Опомнись, Мстислава, — ахнула Гостемила, — какая из нее невеста в такие лета! Дитя ж она малое. Да и разве можно младших поперек старшей выдавать? Овес вперед ржи не косят!

— А коли сбыть меня со двора надеешься, так я и рада идти! Вели отцу отдать меня за Сновида! — яростно выкрикнула княжна, сжав кулаки так, что перстеньки добела врезались в тонкие пальцы.

Гостемила побледнела и отбросила пряник обратно в миску. Руки оказались перемазаны липким медом, и княгине пришлось неловко держать их на весу.

— Сама знаешь, что батюшке заручиться подмогой соседской надобно, такие времена нынче. Да и разве не была ты за Ратмира просватана с рождения? Такая уж девичья доля, не в нашей власти это. Покорись, дочка, не ропщи против отцовской воли...

— Не смей называть меня дочкой! — выплюнула Мстислава, чуть подаваясь вперед и дрожа от ярости. — Ты мне не мать и советы твои мне не нужны! Мне, княжеской дочери, ты не ровня! Убирайся прочь!

Стояна отважно бросилась между мачехой и падчерицей, не давая Мстиславе продолжить свое наступление.

— Остынь, Мстишенька, — запричитала она, поглаживая девушку по запястьям. — Что ты, сердечная моя!

— Все отцу расскажу! — всхлипнула покрасневшая Гостемила, всплескивая руками, и подхватила складки платья грязными пальцами. — Ничего, найдется и на тебя управа, помани мое слово! Найдется кто-то, кто собьет с тебя спесь! Жгуча крапива родится, да во щах уварится! — выбегая из горницы, с горечью посулила княгиня.

Мстиша подлетела к порогу и с силой захлопнула дверь, почти прищемив Гостемилу аксамитовый подол. Княжна заставила слуг настечь растворить окна, но еще долго ее преследовал тошнотворный, приторный запах мачехино пота, и Мстислава знала, что нескоро теперь сможет посмотреть в сторону пряников.

Князь Всеслав поджидал Мстишу в маленькой повалуше, укрывшейся в верхнем венце терема. Кроме Мстиславы отец позволял подниматься сюда лишь старшей дочери да нескольким самым близким боярам.

Княжна любила тот особенный запах, что стоял в крохотных покоях, — старой, крепко выделанной шкуры, свежесрубленного дерева, чернил и заморского благовония. Запах детства. Запах отца.

Осторожно приоткрыв дверь, Мстиша заглянула внутрь, глядя слегка исподлобья. Она изо всех сил старалась напустить на себя обиженный вид, но уголки губ сами собой поползли вверх, когда ее глаза встретили отцовский взгляд. Мстислава пару раз взмахнула ресницами, все еще стоя на пороге, словно не решаясь войти, и Всеслав улыбнулся в полную силу. Отец не мог на нее сердиться, и она отлично это знала.

— Входи уж, входи, лиса, — пророкотал князь, хлопая большой ладонью по устланной узорочьем лавке рядом с собой, и Мстиша почувствовала, как от бархатистого отцовского голоса по коже побежали сладкие мурашки.

Она проскользнула в дверь и, бесшумно пролетев по шелковистому ковру, в два счета оказалась рядом с Всеславом.

— Тата, — промурлыкала она, прижимаясь к отцовскому боку и жмурясь от прикосновения теплой, могучей руки.

— Лиса, ну одно слово, лиса, — продолжал ворчать князь, глядя дочь по голове, но в речах его было лишь одно обожание. — Ты почто мачеху обидела? — прищурившись, спросил он, застигнув разомлевшую Мстишу врасплох.

— Уже донесла, — недовольно проговорила она, подбигаясь.

Мстиша оскорбленно сложила руки на груди, так что серебряные запястья, поддерживающие пышные рукава, весело звякнули друг об дружку.

— Нехорошо, Мстиша, ай, нехорошо, — покачал головой Всеслав, опуская руки на колени. — А уж что неровней назвала, то совсем скверно.

Мстислава нахмурилась и покосилась на отца. Никто не видел его таким — благодушно журящим любимицу-дочь, терпеливым и снисходительным. Она могла вить из него веревки, но для всех прочих Всеслав оставался тем самым Буй-Туром, которым прозвали его еще в молодости, скорым на расправу с врагами, жестким, страшным. Пусть даже меж черных кудрей, словно пена в волнах, уже пробежала седина, князь был по-прежнему крепок и силен.

— А разве неправда это? — вздернула голову Мстислава, подспудно любуясь тем, как красиво заплесали жемчужные рясна у пушистых висков. — Хоть и из бояр она, да роду ее против матушкиного — что воробьям до соколов.

Всеслав насупился, а веселье помалу начало покидать его лицо.

— По любви ее взял, и уж если мне было не зазорно с ней породниться, тебе до ее знатности печали быть не должно.

— То-то же, — начала кипятиться Мстиша, — сам по любви жену взял, а меня за постылого выдаешь!

— Нас с твоей матерью никто не спрашивал, когда женили. Мы и друг друга-то первый раз увидели на свадебном пиру. Ты с мое поживи сперва, а потом судить принимайся.

— Тебе хорошо говорить, авось не на оборотнице женили! — в отчаянии выпалила она.

Брови Всеслава изумленно взмыли, словно он не мог решить, рассердиться ему или рассмеяться.

— Неужто и ты туда же? Бабы болтают, а ты и уши развесила?

— То не одни бабы болтают. Будто сам не знаешь, какая молва за зазимским княжичем стелется, — поджала губы Мстиша.

— Чего обо мне только языки не мололи, — усмехнулся князь, разглаживая пышные усы. — Только ведь от того, что диким быком прозывали, копытами да рогами, кажись, не оброс, — лукаво подмигнул Всеслав. — Как люди говорят, не заслонить солнышка рукавицей, не убить молодца небылицей.

— Да что ж я, про́клятая какая? — в сердцах воскликнула Мстислава, видя, что отца ничем не пронять. — Чем я хуже Предславы?

— Ничем, донечка, — ласково проговорил Всеслав. — Верно ты сказала, Предслава по любви за Боряту пошла, да не всем такая судьба суждена. Ты другая, Мстиша. Ты сильная. Моего племени. Твои плечи крепче, значит, и ноша для них другая уготована. Ничего не попишешь. — Всеслав скупой улыбнулся и провел ладонью по щеке погрузневшей дочери. — И не стоял враг над нами, когда Предславина пора пришла. Большое дело тебе суждено сотворить, славное, достойное. Свяжешь накрепко Мединь с Зазимьем, заручишься подмогой сильного соседа, чтоб, коли придет беда, не остались мы одни против супостатов. Всегда сражайся до конца, помнишь?

Княжна понурилась и хмуро смотрела в пол. Ее больше не радовал перезвон серебряных усерзей.

— А о Сновиде не жалеи, — добавил Всеслав после короткого молчания, и Мстислава вскинулась, чувствуя, как к очам подступили жгучие, обидные слезы. — Он тебе не верста. Не твоего поля ягода.

Она несколько мгновений кряду смотрела на отца, шаря взглядом по родному лицу в поисках хоть малейшей надежды. Но на суровом челе не отражалось ничего, кроме горькой правды. Может, Всеслав и баловал дочь сверх всякой

меры, он всегда был с ней предельно откровенен и напрасных чаяний не дарил.

— Люблю его, тата! — бросилась она на грудь отца, давая наконец волю слезам, и уткнулась в жесткую, пахнущую дымом бороду.

— Знаю, лисонька моя, знаю, — нежно перебирал Все-слав золотистые пряди дочери. — Знаю, нелегко тебе нынче, да только в жизни из двух выборов всегда правильное тот, что сделать тяжелее. Не кручинься, говорит мне сердце, что еще найдешь ты свое счастье. А жениха не обижай и Хорта прими как полагается. Тебе с ним путь неблизкий разделить предстоит. И скоро.

Разговор с отцом придал Мстиславе решимости. Дороги назад не существовало, и твердость отцовского намерения развеяла остававшиеся сомнения. Успокоившись и призвав все возможное хладнокровие, княжна приготовилась встречать зазимское посольство.

Хорт со своей малой дружиной ожидал в гриднице, и при появлении Гостемилы и Мстиславы мужчины поднялись и низко поклонились. На лице княгини, с одной стороны, отражалось облегчение, ведь наконец приличия были соблюдены, но, с другой, его омрачало беспокойство. Наверняка падчерица заготовила очередную выходку. И теперь, видя, что зазимцы все как один замерли, кажется, потеряв дар речи, Гостемила не знала, радоваться тому или досадовать.

Что и говорить, Мстислава была хороша. Она постаралась предстать во всей красе, намереваясь сразить и смутить человека, который приехал, чтобы вырвать ее из дома и как добычу принести в зубах своему хозяину.

Светло-голубая верхница тончайшего переливчатого шелка приглашала полюбоваться мягко очерченными

изгибами покатога стана и подчеркивала прелесть глаз и молочной, светящейся кожи. В толстой, как пшеничный сноп, косе, перекинутой на грудь, поблескивали жемчужные нити, которым вторило нарядное очелье и три ряда низок.

Не зря нынче Мстислава велела Векше доставить из холодного погреба льда: щеки и губы алели, а очи блестели, маня, дурманя мужа, который теперь не мог отвести от нее взгляда и даже не слышал косных речей княгини, лепетавшей про немочь, якобы помешавшую ее падчерице явиться к дорогим гостям раньше.

Нет, глядя в эти искрящиеся самодовольством и лукавством глаза, осененные пушистыми бровями и длинными ресницами, только глупец поверил бы рассказням о хвори. Мстислава лучилась здоровьем и красотой, и она видела, что Хорт, наверно подготовленный злыми языками, оказался безоружен перед ее чарами.

Словно стряхивая с себя оцепенение, он несколько раз моргнул, и в прояснившемся взоре княжна с раздражением прочитала, что воевода справился с собой, и гораздо быстрее, чем ей того хотелось. Он прищурился, и его немного раскосые глаза заиграли насмешливыми огоньками.

— Слава Пресветлой Матери, ты в добром здравии, княжна. Не напрасно мы Богине требы клали.

Хорт снова поклонился, и в его стати было столько достоинства и уверенности, что Мстиша невольно окинула взглядом поджарое, ловкое тело воеводы. Возвращаясь к его лицу, она увидела, что уголок рта заимца приподнялся — он подметил и то, как Мстислава нарядилась, пытаясь ослепить его, и то, как два дня продержала в унижительном ожидании. Ни тем, ни другим воеводу Ратмира смутить не удалось.

Что ж, она и не такие крепкие орешки раскалывала.

Мстислава сладко улыбнулась и чуть повернула голову набок, давая жемчугам огладить бархатистую скулу. Трое

зазимских мужей, что стояли за спиной воеводы, и дышать забыли, следя за каждым движением Всеславны, но Хорт лишь улыбнулся, словно не замечая ее колдовского морока.

— Княжич просит прощения, что дела держат его в Зазимье, вдали от своей прекрасной невесты. Он считает мгновения до встречи и посылает сии дары.

Хорт подал знак, и его люди поставили перед княжной пару увесистых ларцов и откинули крышки. Мстиша безразлично скользнула по содержимому ленивым взглядом. В одном лоснились черные меховые шкурки соболей — пара сороков, не меньше; из другого показывалась шитая золотом червчатая обьярь. Княжна кивнула, да так небрежно, что зазимцы невольно поджали губы и покосились на воеводу. Но Хорт невозмутимо сделал новый знак, и поднесли еще один ларчик, в котором поблескивали украшения, произведшие на Мстиславу такое же малое впечатление. Она небрежно взмахнула пальцами, и смиренно склонившая голову Векша тотчас кинулась, чтобы исполнить немой приказ и принять дары.

Но от волнения или по неловкости рука чернавки дрогнула, едва не опрокинув ларец. Ее спас зазимский воевода, успевший подставить ладони под тонкие пальцы девушки и поймать его. Векша вспыхнула так, словно кто-то раздул дремавший в загнетке уголь, и ответила Хорту полным отчаянной благодарности взглядом. На лице молодого воеводы затеплилась улыбка, совсем не похожая на ту, которой он только что одарил ее госпожу. Впрочем, Хорт тут же посуровел, будто опомнившись, где находится. Почтительно кивнув, он отступил на шаг от девушки, которая сделала то же самое, съезжившись у правого плеча Мстиславы.

Княжна поклонилась, но от нее повеяло морозом.

— Благодарствую, воевода. Не обеднеет ли только Зазимье от щедростей княжича?

— Богатства нашей земли несметны, и, покуда князь Любомир правит своей вотчиной сильной и мудрой рукой, оно не оскудеет, — с почтением ответил Хорт. — Но главное сокровище Зазимья я зрею ныне пред собой. Позволь же мне поднести зарочье твоего жениха.

Мстислава с трудом скрепила себя, чтобы не выдать подступившего страха. В горле пересохло.

Чужеземец достал из-за пазухи крошечный платок алого шелка, и, уже заранее предвидя, что он скрывал, Мстиша из последних сил удерживалась, чтобы не попятиться. Парча на груди вмиг сделалась тесной, не давая дышать. Хотелось выбежать из гридницы, помчаться куда глаза глядят, только бы оказаться как можно дальше от зловещего гостя.

Хорт низко поклонился и с величайшим почтением протянул раскрытую ладонь.

Забыв о спесивости, Мстиша подала воеводе бледную дрожащую руку. Она молила богов, чтобы не свалиться без чувств под ноги ненавистному зазимцу.

Ладонь княжны была настолько холодна, что прикосновение Хорта обожгло. Улыбка исчезла с лица воеводы, когда, не поднимая очей на невесту Ратмира, он осторожно нанизал на ее тонкий палец крошечное, поблескивающее лазоревым самоцветом кольцо. Если бы Мстислава не третила остатки воли на то, чтобы не упасть, она бы заметила, что и Хорт сухо сплотнул, прежде чем отвести взгляд от перстенька, окольцевавшего Мстишу не хуже крепкого ошейника.

Ее опущенные ресницы трепетали. Мстислава не могла заставить себя посмотреть на Хорта, сгорая от стыда, словно он только что не оказал ей величайшую честь, окончательно придав чин невесты, а прилюдно опростоволосил или распоясал. Точно читая в душе княжны, воевода до земли поклонился и отступил. И верно, стоило ему сделать шаг назад, дышать тут же стало чуточку легче.

В происходящее поспешила вмешаться Гостемила, учтивыми словами пытаясь сгладить холодность падчерицы. Она еще долго заливалась елейным голосом, вызывая сдержанные ответы Хорта, но Мстиша уже не слушала. Она до боли вонзилась зубами изнутри в нижнюю губу, думая лишь о том, как доберется до Осеченок, где ей не придется более выносить проклятого воеводишку. А самое главное, она никогда не увидит лица ненавистного суженого.

До отъезда оставалось несколько дней, и в женской половине стояла суматоха. Служанки набивали кипарисовые лари белой казной, перебирали шубы и телогреи, носились туда-сюда, без конца что-то пересчитывая и сверяя. Весь Верх гудел, словно растревоженная пчелиная борть, и, кажется, только одна виновница переполоха оставалась спокойной.

Мстислава давно уже собрала свою небольшую дорожную укладку и теперь, прислонившись к столбу гульбища, безучастно смотрела, как, высунув от усердия язык, дворовая девчонка через решето сыпает дорожку свежим песком.

Мстиша думала о том, что богатое приданое, доставшееся частью еще от матери и бабки, дареные наряды отца, золотое шитье, над которым она просидела столько часов в светлице, — все это пропадет. Сердце обливалось кровью, но обратного пути не было. Она успокаивала себя тем, что род Сновида, хотя и не чета княжескому, славился богатством, так что в обносках ходить не придется. И все равно мерзкий червячок грыз нутро Мстиши, ведь она понимала, что былого величия и славы ей уже не видать. Но разве жизнь подле любого того не стоила?

Мстиша снова вздохнула, перебирая жемчужины в косе. Другой ее печалью была свадьба. Мстислава до мельчайших

подробностей помнила, как выдавали минувшей зимой Предславу. Как сестра, бледная, с неестественно алыми, будто яблоки на снегу, щеками и сверкающими ярче, чем изумрудные искорки в ее венце, глазами стояла рядом с Борятой, ошалевшим, пьяным от своего счастья, на одной половине, пока свахи связывали их руки полотенцем и просили Небесных Кузнецов «сковать свадебку». Как всю седмицу до обряда Предслава голосила, оплакивая зóрю, и Мстислава, хоть и понимавшая, что сестра выходит замуж по любви, цепенела от заползающего в душу ужаса.

Нет, ей не видать честной свадьбы. Не петь горьких песен. Не прощаться с подругами. Ей, княжеской дочери, придется стать самокруткой, принять на себя позор и осуждение.

Мстислава прикрыла веки, вспоминая, как билась Предслава на руках у мамок и подруг, как жалобно плакала:

*Скинусь я, молодехонька, кукушечкою.
Полечу я, молодехонька, в батюшкин сад.
Сяду я, молодехонька, на любимую яблоньку,
Причетами весь сад заглушу,
Горькими слезами весь двор затоплю!*

Нет, отец никогда не простит ее. После такого Мстиславе не вымолить прощения, не бывать больше в Медыни. Никто не станет ждать ее в батюшкином саду.

Глаза Мстиши затуманились, и она в который раз опустила взгляд на дымчатый камень у себя на пальце. На солнце он блестел ярко и остро, словно голубая звездочка, а в покоех делался сероватым. Первым порывом княжны было скинуть ненавистный перстень, но что-то мешало ей. Замысливая предательство, она не имела права носить женихов дар, да Мстиша и не хотела хранить при себе хоть что-то, связывающее ее с Ратмиром. И все же она не снимала

кольца — то ли из страха, то ли из желания подольше чувствовать себя честной.

— Ясочка моя, пора, — слышался ласковый голос Стояны.

Мстислава очнулась от своих дум и посмотрела на кормилицу, позади которой стояла верная Векша. Лицо челядинки было искажено затаенной мукой и тревогой, но княжна отмахнулась от докучливых мыслей. В конце концов, разве смысл жизни служанки не в том, чтобы покоряться желаниям и прихотям своей госпожи?

Завтра они отправятся в путь. Завтра Хорт, ненавистный Хорт приедет за ней в золоченом возке, чтобы умчаться к постылому чуженину, навечно разлучить с родным гнездом, с Медынью, с татой. И нынче старая нянька звала ее, чтобы проститься с матушкой.

Княгиня покоилась в родовой усыпальнице в заповедных курганах. Добредя до заветного холмика, Мстиша села на начавшую желтеть траву и распустила узел вышитой серебром ширинки, в которую Стояна увязала блины. Когда-то в детстве это было ее любимым кушаньем, но после той, самой первой тризны княжна не могла выносить сдобного маслянистого запаха.

Мстислава положила ладонь на нагретую землю, когда вдруг без малейшего предупреждения из-за спины раздался надрывный плач Стояны. Она плакала и голосила про быструю речку, на берегу которой сидела сирота и просила людей обратять лучшего коня и натянуть каленую стрелу, чтобы заставить мать сыру землю расступиться и пробудить уснувшую вечным сном матушку. Старуха выла о горькой свадьбе и о том, что невесту некому было собрать и благословить, что, сколько бы ни старались помочь люди, земля не расступится, а мать не восстанет от смерти.

Когда нянька закончила, Мстислава уже лежала грудью на могиле и, судорожно сотрясаясь, рыдала. Все последние

дни она крепилась, но причитания старухи вспороли невидимые пути на ее душе, позволяя накопившимся страхам, обиде и отчаянию найти выход. После короткой передышки Стояна продолжила петь про соловья, которого тоже отправили будить матушку, но та не могла проглянуть, потому что мурава проросла сквозь ее очи, и не могла ответить, потому что черная мга занесла ей уста. Но Мстислава уже не разбирала слов, содрогаясь и одновременно с каждым всхлипом освобождаясь из-под тяжелого гнета. Голос няни и ласковое прикосновение теплой руки преданной Векши, украдкой смахивающей слезу, вели ее, не давая сорваться в темную пучину.

В полузабытьи княжну привезли обратно в терем, где чернавки принялись отпаивать ее берёзовицей. Когда Мстислава, уложенная на лебяжью перину и укутанная в меха, пришла в себя, Стояна копошилась в углу, собирая свою невеликую укладку.

Давно пора было сказать старой няньке, что той придется остаться в Медыни, но Мстислава без конца откладывала неприятный разговор, и вот теперь отсрочивать стало некуда.

— Стояна, — позвала она, и ее голос от долгого лежания прорезала неловкая хрипота.

Старушка замерла, согнувшись над ларем, а потом резко, по-птичьи, вскинула голову.

— Ай проснулась, касаточка моя? — тяжело отдуваясь, проговорила она, с привычным обожанием глядя на воспитанницу.

Мстислава сглотнула предательский ком, вставший поперек горла.

— Что это ты делаешь? — стараясь придать голосу принужденности и оттого звуча еще более высокомерно, чем обычно, спросила Мстиша, небрежно кивая в сторону старухиных пожитков.

— Известно что, дитяtko, — терпеливо развела руками Стояна, словно разговаривала с несмышленным дыбушонком, — поутру ведь тронемся, так укладываемся.

Мстислава еще раз скользнула взглядом по обшарпанному сундучишке и отстраненно подумала, что няня почти ничего не нажила за свою долгую службу княжеской семье.

— А разве кто сказал, что ты едешь? — даже в такой миг не сумев избежать надменности в голосе, спросила Мстислава.

В глазах старухи застыло неверие. Но, сколько она ни вглядывалась в красивое лицо существа, которое любила больше собственной жизни, в нем не было ни мягкости, ни сострадания. Осознание случившейся беды вдруг захлестнуло несчастную женщину, и, не помня себя, она повалилась на колени.

— Почто безгодишь меня?! Чем я, старая, тебе напрокутила? — Даже теперь, в припадке отчаяния и горя, Стояна почти пела, покачиваясь из стороны в сторону и то и дело бухаясь восковым лбом в пол. — Чем прогневала? Ужель мало я тебя пестовала? Мало холила? Неужто на чужбине не станет от меня проку? Али объем куском на мужниной стороне? Али платьем обношу? Так мне ж ничего не надо. Я со свиньями из одного корыта хлебать стану, только возьми меня, Мстишенька! — Она оторвала голову от досок и подняла на девушку заплаканные горящие глаза. — Возьми с собой, голубушка, кровиночка моя!

Мстислава села на постели и подобрала под себя ноги, застигнутая врасплох одновременным отчаянием и требовательностью старухи.

— Полно тебе, няня! Как обживусь, так и за тобой пришло.

Мстислава свела брови и закусилa губу. Она и правда собиралась выполнить свое обещание и знала, что Стояна поедет хоть на край света, не то что в Осеченки, но Мстишу

бросало в жар от одной мысли о миге, когда няня узнает, что едет не в Зазимье, а в отчину боярина Внезда.

— Пообвыкнуть дай сперва! Уж не малое дитя буду, а мужняя жена, — сурово добавила княжна, зная, что старухе придется по нраву такие речи. — А покуда с Ярославой и Звенькой тетешкайся да моего слова дожидайся.

Стояна обиженно шмыгнула носом, но, кажется, не много обнадежилась. А что, если Сновид запретит слать за нянькой?

Мстислава еще сильнее нахмурилась от этой мысли и тут же потрянула головой, отгоняя ее. Кто смеет запретить что-то ей, княжеской дочери? Пусть даже и муж.

Ей очень не хотелось размышлять дальше, что, сбежав против воли отца, она потеряет его поддержку и окажется полностью во власти Сновида и будущего свекра.

Нет, Сновид слишком крепко любит ее, поэтому согласится на всякую прихоть, лишь бы угодить.

— Ну, будет, — все более раздражаясь от собственных невеселых дум, прикрикнула Мстиша продолжавшей всхлипывать старухе. — А то завтра так опухнешь, что глаз не сможешь разодрать. Сказала же, что пошлю за тобой, как время наступит.

Стояна, все еще всхлипывая, заставила себя растянуть дрожащие губы в улыбке и, тяжело поднявшись, подковыляла к воспитаннице и принялась целовать ее руки.

И без того обуянная мрачными мыслями, Мстислава вовсе вышла из себя. Она знала, что Стояна нынче не уснет и станет до брезга ворочаться и вздыхать в своем углу. Метнув быстрый злой взгляд к порогу, где обычно, свернувшись калачиком на засаленном овчинном козухе, спала Векша, княжна успела заметить, как сверкнули поспешно прикрытые настороженные глаза. Теперь чернавка прикидывалась, будто спит, но Мстиша-то знала: она все слышала и видела. Девчонка никогда бы не отважилась вякнуть и словечко,

но это покорное, молчаливое неодобрение было во сто крат хуже.

Мстислава уже потянулась под кровать нащупать сапог и запустить им в несчастную служанку, но в этот миг на ее пальце тускло блеснул перстенок Ратмира, и Всеславна осеклась, словно сам зазимский княжич схватил ее за руку.

— Лучину загаси, — сквозь зубы прошипела она и с головой накрылась куньим одеялом, чтобы провести свою последнюю ночь в отчем доме.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)